
О телеидии у млекопитающих и птиц

Александр Федорович Котс

Быть может, ни в одном другом разделе Зоологии зависимость внешнего облика и поведения животного от внутренних и чисто-физиологических процессов или состояний не выявляется так резко и так показатель-но, как в сфере гормональной деятельности организма.

Мы имеем здесь ввиду зависимость наружных и вторичных половых отличий от гормонов полового аппарата, связь, особенно наглядно выступающую в классе **Птиц**, особенно у полигамных и диморфных пред-ставителей последних, в частности среди куриных.

Крайне instructивна в этом отношении обширная коллекция, являющаяся итогом хорошо известных опы-тов (1919-1913) профессора М.М. Завадовского и поступившая позднее в Дарвиновский Музей.

Охватывая несколько десятков оперированных кур и петухов и давших разные степени или стадии «пету-хоперости» и «куроперости», эта коллекция с предельной ясностью показывает явную зависимость воз-никновения **первой** после **однократной** операции курицы (именно экстирпации яичника), возникновения **второй** — лишь следствием **двух** операций: удаления семенников и трансплантации яичника от самки.

Эта разная по сложности зависимость внешнего облика животного от состояния полового аппарата в ка-ждом из обоих случаев нам объясняет, почему на воле и в естественных условиях так редко наблюдается явление «куроперости» (в отличие от «петухоперости») и почему эта последняя обычно лишь частично приближается к наружности, присущей петухам.

Не говоря о том, что пересадка, трансплантация яичника на воле, разумеется всецело отпадает, следует учесть одно чисто техническое, или говоря вернее, бытовое обстоятельство.

Мы разумеем трудность различить по виду — без анатомического вскрытия (по крайней мере в ряде слу-чаев) — петухоперстость самки от гораздо более редкой «куроперости» самца в тех случаях, где разница в размерах тела у обоих полах незначительна, как то имеет место у тетеревов.

Очень может быть, что среди множества петухоперых самок (именно тетерек) **Дарвиновского Музея** (до полутора десятков экземпляров), собранных за целое столетие, на деле укрываются и молодые «куроперые» сам-цы. Но за опущенного в свое время вскрытия анатомического, на одном лишь оперении шкурки, или чу-чела подобной птицы разгадать природу аномального ее пера, «петухоперость», или «куроперость» в этих случаях не представляется возможным.

Все же абсолютная большая редкость «куроперости» является высоко вероятной в силу самой сущности явления.

Как свидетельствуют указания бывшего лучшего специалиста-знатока тетеревиных птиц, давно (1909) умершего московского зоолога **Ф. Лоренца**, за долгие пятнадцать лет, среди миллионов ежегодно посту-павших на московский рынок и систематический просмотренных тетеревов нашлось лишь **трое** куроперых птиц.

Не то с «петухоперыми» тетерьками. Легко понять, как старческое вырождение яичника, или его природ-ное недоразвитие, или — что реже механическая травма — могут вызвать результат, так ярко достигаемый оперативно: вырезанием яичника.

Но, как при хирургическом вмешательстве лишь редко удается полное удаление яичника и отворотить его регенерацию за счет оставшихся частей его (что неизменно вызывает и частичное восстановление нор-мального куриного наряда..) так и «петухоперая» тетерька всего чаще попадает в наряде смешенного типа, совмещающем черты самца и самки.

Объясняются такие «пестрые» наряды у петухоперых самок либо тем, что самая дегенерация яичников была неполной, либо тем, что наступившая регенерация его сопровождается стала возвращением типич-ного куриного пера.

Но, к сожалению, и здесь примешивается фактор ненаучного, а бытового свойства, объясняющий тот факт, что среди множества петухоперых самок тетерева нет ни одной, надевшей **полностью** наряд самца.

Такие экземпляры, если и имелись, принимались при подсчете дичи за самцов¹, поскольку разница в размерах у обоих полов данной птицы относительно невелика, особенно для малоопытного глаза тех посредников, охотников, или торговцев дичью, от которых всего чаще птица поступает к орнитологам.

Сказанным определяется тот факт, что в уникальном материале по гинандроморфным птицам **Дарвиновского Музея** оказался лишь один частичный — куроперый тетерев-косач, блестяще-черное перо которого усеяно типичным охристым и поперечно-разрисованным пером тетерьки.

Кроме лаконической пометки «*куроперый*» собственной рукою **Лоренца** (и, очевидно, на основе личного анатомического вскрытия!) не сохранилось, к сожалению, никаких подробностей о результатах такового. Остается лишь сослаться на другой, упоминаемый у Лоренца пример подобной же «телиидии» тетерева-косача, по вскрытии которого было бесспорно установлено помимо парного обычного семенника наличие с левой стороны и (мало развитого, правила) гроздевидного яичника.

В примере этом дело шло о подлинном гермафродите и таким же гермафродитизмом всего проще объяснить и два последующих примера, описание которых составляет главную задачу предлагаемой статьи.

Но сначала пара вводных замечаний.

Не в пример тетеревам, полы которых разнятся сравнительно немного по величине, поскольку молодой косач-самец размерами только немногим превосходит взрослую тетерьку, самка глухаря, глухарка, как известно, уступает глухарю на добрую треть, не оставляя ни малейшего сомнения в том, какому полу должно отнестись сомнительный по оперению экземпляр.

Однако, прежде чем касаться оперения наших обоих «куроперых» глухарей, необходимо краткий образом остановиться на «петухоперости» глухарок, именно поскольку куроперость глухаря содержит, как оказывается, и элементы, находимые в наряде у петухоперых самок этих птиц.

Полная петухоперость у глухарок нас здесь всего менее интересует. По причинам, чисто внешним и уже указанным, подобные глухарки относительно нередки. Так, в музее нашем мы располагаем около полдюжины подобных птиц, которые, если бы не малые размеры, да не одиночные рябые перья (не всегда!) возможно было бы принять за «новых вид» миниатюрных глухарей: настолько совершенно ржавое, рябое оперение этих самок заменилось таковым самца, не только в отношении окраски и рисунка, но по структуре, по длине хвоста и удлинению пера на подбородке.

Гораздо инструктивнее примеры «панипающей» петухоперности, поскольку таковая сказывается и на наряде «куроперых» глухарей.

Из доброй дюжины таких начальных стадий надевания петушиного наряда мы лишь один.

Костромская взрослая глухарка. Мантия — нечто среднее между одноцветной каштановой у глухаря и пестрой, свойственной глухарке. На зобе «щит», вернее, некое подобие его, из перьев глинистого цвета, обрамленных каждое зеленым, металлически светящейся каймой, не приводящих к цельному, сплошному глухаринному «щиту».

Низ — беловатый с крупным землисто-охристыми пятнами. Цвет головы и шеи свиду пепельные, но с просвечиванием охристого цвета опухал, только прикрытых серыми вершинами вышележащих перьев. Как и обычно, эти серые коймы усыпаны мельчайшим черным крапом.

Окраска и рисунок перьев поясицы требуют особого внимания. При ближайшем рассмотрении она одета перьями двух разных категорий.

Большая часть перьев — блекло глинистая в проксимальной большей своей части, пепельная — в дистальной, без особого разграничения обеих. Обе части разрисованы различно: глинистая — со сбитыми следами поперечного рисунка, концевая, пепельная часть — зигзаговыми мельчайшими разводами и брызгами.

¹ Как и обратно, ультра-куроперые самцы — за самок, попадая в руки «кулинаров», а не орнитологов.

Перья этого типа близки к таковым нормальных глухарей с той только разницей, что у последних **нет** охристого, глинистого тона и все опахало пепельного цвета, сплошь покрытое зигзаговидным мелким темным крапом.

Наряду с такими перьями (напоминающими таковые глухаря имеются на оперении нашей птицы перья, приближающиеся к нормальному наряду самок: широко и крупно разрисованные темными широкими пестринами и поясами-лентами, различными по цвету: в большей своей части из чередования светло-глинистых, темно-коричневых и палевых. Конец пера — пепельный с мельчайшим черным зигзагообразным крапом.

Такова примерно цветность и узорчатость отдельных опахал и в оперении нормальной самки глухаря.

Но вот другая птица из Казани, ростом чуть крупнее предыдущей с лишь немного более массивным клювом. Хвост более длинный, в большей своей части со следами глухариной белой ряби. Верхние кроющие крыльев, — типа глухариного: каштановые с очень мелкой разрисовкой, большей, чем то свойственно нормальным глухарям. Характерные белые кончики на плечевых, присутствующие на оперении глухарок, но не свойственные глухарям.

На шее оперение явно удлиненное и свиду пепельное, но с просвечивающим оттенком блекло-глинистого цвета проксимальной части опахал, лишь постепенно и в дистально направлении переходящего в пепельных цвет с характерным для глухарей тончайшим струйчатым, зигзаговидным крапом. Щеки, горло (с намечающейся «бородой») покрыты мелкой темной разрисовкой типа таковой у предыдущей птицы.

Грудь, зоб по оперению близкие к тому, что мы находим у глухарок средней и начальной стадии петухоперости: нагрудник — темно-глинистого цвета, слабо испещренный серовато-черным крапом и с зелеными блестящими каймами перьев без образования сплошного металлически-блестящего щита. Все эти части оперения по цвету и рисунку очень сходны с таковыми у предыдущей птицы, разве отличаясь большим выступанием серого оттенка.

Но тем значительнее сходство оперения обеих птиц с их верхней стороны, особенно на пояснице и на верхних кроющих хвоста. Все эти части у казанской птицы — бледно серовато-глинистого цвета с тонкими зигзагами и брызгами без всякого намека на типичный, крупно-поперечный, ленточный узор.

Тем неожиданное появление последнего, т.е. «глухаркиного» крупно- поперечного рисунка на отдельных перьях спинки и при этом в перемежку с перьями типа начальной стадии петухоперости.

Мы разобрали несколько подробнее окраску этой странной птицы по причинам несколько особого порядка.

Дело в том, что экземпляр этот был в свое время определен покойным **Лоренцем**, как «куроперый» молодой глухарь.

И принимая во внимание, что все что проходило через руки этого талантливого натуралиста по тетеревиным птицам с аномальным оперением, проверялось в отношении анатомическом, — едва ли можно сомневаться в верности определения, правда, лишь на изучении макроскопическом.

Тем любопытнее поверхностное сходства этой птицы с костюмской глухаркой, перед тем описанной.

И это сходства **куроперого** самца с **петухоперой** самкой на известной стадии аномалии полового аппарата, хорошо известно на основе экспериментальных данных над домашних петухах и курах, оставляя нераскрытой в разбираемом примере сущность этой аналогии по отношению к «куроперости».

Поскольку же последняя в условиях эксперимента возникает в результате трансплантации частей яичника на тело «каплуна», легко понять, что под открытым небом, у животных, обитающих в естественных условиях, и в частности у глухариной птицы возникание «куроперости», явление громадной редкости и связано, по-видимому с явлением гермафродитизма.

Сказанное до сих пор служило лишь введением к тому, чтобы остановиться на редчайшем экземпляре, абсолютно уникальном в мировом масштабе.

Добытый в 1911 году, в окрестностях Иркутска² и принесенный **Дарвиновскому Музею** в дар профессором В.Ч. Дорогостайским, экземпляр этот поступил к нам в крайне мало совершенном виде, в форме архайического чучела и потому не мог быть своевременно исследован анатомически, что ни в малейшей мере не колеблет точности определения пола.

При нормальном складе и размерах эта птица узнается с первого же взгляда, как **Глухарь** (длина хвоста, размеры тела, «борода»), но с оперением *глухарки*!

Всматриваясь ближе в это странное создание, можно отметить следующие детали.

Голова по цвету и рисунку сходна с таковой нормальной по перу глухарки: светло ржаво-охристая с мелким темным поперечным крапом. Таковы же цвет и разрисовка шеи.

От глухаркиной окраска шеи отличается несколько большей сединой вершинных кромок и более сильным, явственным зеленым блеском темных поперечных пятен. Этот металлический зеленый блеск особенно заметен на конечных черных поперечных пятнах ниже-шейных перьев, т.е. там, где на нормальном оперении глухарок этот блеск едва заметен. В общем — оперение головы и шеи очень специфично: светло-глинистое с относительно не частыми темными пестринами, зеленоватый блеск которых припогашен и завуалирован седыми, пепельными концевыми кромками опахал.

От характерного для глухаря блестящего зеленого «щита» — лишь слабые следы в виде рассученных слабо сверкающих вершинных кромок или ободков отдельных опахал. Эти последние — интенсивно-темно-глинистого цвета и за вычетом кромок (иногда двойных) без всякого рисунка.

Книзу от почти сплошь однотонного «щита» груди, широким поясом охватывающего спереди всю птицу, остальная нижняя часть тела оперением напоминает самую обыкновенную глухарку сочетанием крупных пятен глинистого, белого и черного (вернее: темно-бурого). Можно сказать, что вся передняя часть тела и весь низ весьма напоминают оперение нормальной по перу глухарки и по существу неотличимы от него.

Не то вся остальная часть наряда нашей птицы: мантия, надхвостье, поясница по окраске и рисунку словно позаимствованы от начальной стадии петухоперости глухарки.

Так, окраска и рисунок плечевых, спины и верхних кроющих крыла походят всего более на те же партии вышерассмотренной казанской птицы: темно-глинистые, испещренные более темными и светлыми неясными разводами и тонкими зигзаговидными пестринами с отдельными более крупными белыми пятнами на задних плечевых, тоже забрызганными мелким черным крапом.

Интереснее всего окраска поясницы и надхвостья, сплошь составленных из перьев типа стадии начальной стадии петухоперости глухарок.

Каждое перо построено из ряда поперечных пятен, или лент с чередованием светло-охристого и темно-бурого, дистально принимающих более яркий, интенсивно-красновато-глинистый оттенок с завершением всего пера широкой пепельной каймой, усыпанной тончайшими зигзаговидными пестринами и брызгами.

Именно эти перья одевают поясницу и надхвостье нашей птицы, кроме самых длинных верхних кроющих хвоста, отчасти приближающихся к оперению любой глухарки.

Очень необычен хвост: два средних рулевых — матово-красновато-глинистые с полузатушованными темными поперечными лентами на медиальной части и более четкой рябью по краям пера.

Три следующих пера с подобной же асимметрией: тусклыми разводами на внутренних и мелким четким крапом на наружных опахалах, по краям его, в общем заметно затемненных.

Еще более затемнены оставшиеся перья, почти черные с ничтожными следами ржавого рисунка на наружных опахалах.

В общем — хвост не глухариный, еще менее таковой глухарки, но типичный для продвинувшейся стадии ее петухоперости.

² Точные данные: «С Иркутского тракта, Мала-Мазурка. Сентябрь 18-го. 1911». Приобретен на базаре в Иркутске 2/Х. — Приписка проф. В.Ч. Дорогостайского: «в течении 25 летней моей практики это — первый экземпляр.»

Такова эта единственная в своем роде птица, совмещающая три черты, три свойства:

Глухаря — по росту и пластическим чертам.

Глухарки — нормальной раскраске и рисунку шеи, головы и большей части низа, и

Глухарки петухоперой — по оперению зоба, мантии, надхвостья и хвоста.

Закончим описание этой птицы приведением главных размеров, насколько таковые могут быть установлены на монтированном экземпляре.

	Длина крыла (по сгибу)	Длина хвоста
Глухарь нормальный (Иркутский)	42 сант.	35 сант.
Глухарь куроперый	42 сант.	36,5
Глухарка нормальная /томская	32 сант.	21,5

Как явствует из приведенных цифр, размеры куроперого глухаря даже превосходят отчасти таковые нормального из той же местности, являясь вообще близкими к максимальным, а по длине хвоста непревзойденным ни одним из 17 глухарей, имеющих в **Дарвиновском Музее**.

Заканчивая настоящий очерк, представляется уместным привести на память тот единственный известный из литературы экземпляр, который, хотя в слабой мере приближается к описанному нами.

Мы имеем здесь ввиду статью покойного Д-ра А.Б. **Мейера**, бывшего директора Зоологического Музея в Дрездене, опубликованную под заглавием

«**Еин Хенненфедригер (Телиидер) Фуерхан**»

В означенной статье описывается Глухарь, добытый 30/VI Апреля 1894 года в южной Баварии, и представляющий по мнению д-ра **Мейера** чем то уникальным, дотоле никем еще не виденным и не описанным.

В действительности — судя по довольно мало-вразумительно — таблиц (в красках) перед нами птица с самыми лишь начальными признаками «куроперостей» в виде наличия охристых пестрин на горле, шее, на груди и пояснице и надхвостье.

В остальном, так по окраске рулевых, спины и кроющих крыла — типично глухариные.

Также типично выражен зеленый металлически-блестящий щит на зобе и груди, столь характерный для Глухаря, хотя и отдельные грудные перья в оснований своем коричневые, имея лишь широкие зеленые краевые комы.

В общем — писанный д-ром Мейром Глухарь и отдаленно не продвинулся в своей «куроперости» до стадии птицы, нами описанной в этой работе, претендующей по-видимому в подлинном смысле слова на уникальность.